

**ИДЕИ КОСМИЗМА
В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

П. С. Карако

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 19 марта 2021 г.

Аннотация: *раскрываются особенности воззрений Ф. М. Достоевского на природную среду жизни человека, ее обусловленность земными и космическими факторами. Выявляется религиозное содержание его космизма, которое в наибольшей мере проявляется при обосновании сущности всемирности жизни человека и человечества, роли русского православия в ее осуществлении. Подчеркивается влияние космических идей писателя на становление научной концепции космизма В. И. Вернадского, вскрываются общее и особенное в их космических воззрениях. Отмечается важность положений Достоевского на формирование у человека этического и эстетического отношения к природе, ее сохранения. Делается вывод о его причастности к литературно-художественной и религиозно-философской ветвям русского космизма.*

Ключевые слова: *природа, биосфера, Вселенная, Бог, православная Русь, народ-богоносец, всемирность жизни, космическая выраженность жизни, космизм, русский космизм, этика.*

Abstract: *the features of F. M. Dostoevsky's views on the natural environment of human life, its conditioning by earthly and cosmic factors are revealed. The religious content of his cosmism is revealed, which, to the greatest extent, is manifested in the substantiation of the essence of the universality of human and human life, the role of Russian Orthodoxy in its implementation. The influence of the writer's cosmic ideas on the formation of the scientific concept of cosmism by V. I. Vernadsky is emphasized, the general and special in their cosmic views are revealed. The importance of Dostoevsky's provisions on the formation of an ethical and aesthetic attitude to nature and its preservation is noted. The conclusion is drawn about his involvement in the literary-artistic and religious-philosophical branches of Russian cosmism.*

Key words: *nature, biosphere, Universe, God, Orthodox Russia, God-bearing people, universality of life, cosmic manifestation of life, cosmism, Russian cosmism, ethics.*

В современных исследованиях содержания и сущности русского космизма происходит включение всё новых творцов в число представителей этого течения русской мысли. Данная тенденция характерна для работ Б. М. Владимирского, В. Н. Демина, С. И. Шлекина. Так, В. Н. Демин к числу русских космистов относит и именитого русского религиозного писателя Ф. М. Достоевского (1821–1881). Какие же идеи этого писателя Демин считает соответствующими духу русского космизма?

Первой из них называется утверждение писателя о «всемирно-все-ленском предназначении русского народа». Следующая – это присущая Достоевскому «космизация нравственных начал, превращение мира в вечную арену борьбы добра и зла как вселенской битвы Бога и Дьявола, Христа и Антихриста, преломленной через сердца и души живых людей» [1, с. 83]. Отмеченные положения подтверждаются соответствующими ссылками на тексты некоторых трудов Достоевского. Но они не имеют отношения к русскому космизму.

В рассматриваемой работе Демина нет ссылок на те положения писателя, которые касаются его понимания состояния природной среды, окружающей человека, зависимости его бытия, особенно психологического состояния, от этой среды, ряда космических факторов и т. д. Всё это является предметом постижения и соответствующего выражения в трудах представителей русского космизма, в том числе и Достоевского. Отмеченные стороны русского космизма не получили своего освещения в работе Демина. Постижению своеобразия их выражения в трудах Достоевского могут способствовать некоторые положения ведущего представителя русского космизма – В. И. Вернадского (1863–1945).

Так, в дневниковой записи от 24.III.1918 г. он пишет о своем увлечении художественными произведениями русского писателя и тем новым миром, который предстает перед ним при их постижении: «Чтение Достоевского открывает передо мною много нового – нового мне великого русского писателя-гуманиста» [2, с. 62]. Здесь же им подчеркивается и тот факт, что еще, будучи гимназистом, он прочитал «Записки из мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот» и другие произведения Достоевского. В настоящее время он читает романы «Бедные люди», «Белые ночи» и др. В дневниковой записи от 28.III.1918 г. Вернадский снова пишет: «Читаю с глубоким интересом Достоевского. Открывается передо мною как бы новый мир» [там же, с. 63].

Интерес академика В. И. Вернадского к творчеству Достоевского произошел в период работы ученого по проблеме живого вещества (совокупности всех форм живого в биосфере Земли). В вышеназванных дневниковых записях он подчеркивал, что всё его внимание сосредоточено на живом веществе. Данная проблема «захватила его всего». Он ее «обдумывает, передумывает и перерабатывает, и мысль об окружающем. Но писать может только о живом веществе» [там же]. Действительно, с 1916 по 1922 г. он вел исследования и писал о живом веществе. Их результаты были обобщены в труде «Живое вещество», который был опубликован только в 1978 г. В нем Вернадский подчеркивал и то, что идеи о природе, изложенные в «религиозных, поэтических, монотеистических трудах, проникают и охватывают и научные представления о Вселенной» [3, с. 313]. В силу этого такого рода труды не должны пренебрегаться и представителями естествознания. Особенно те, которые написаны классиками художественной литературы. Им является и Достоевский. Имело ли место в его трудах то, что «проникало и охватывало» воззрения Вернадского на природу? Какой же «новый мир» открывался ему при пости-

жении произведений русского писателя и мыслителя? Каким видел этот мир и сам писатель? И, наконец, правомерно ли считать Достоевского представителем русского космизма?

Отмеченные вопросы и определили внимание автора настоящей статьи к творческому наследию Достоевского. При этом первостепенное значение будет иметь выявление места и роли космических факторов в природе Земли, особенностей восприятия их героями его литературных произведений и самим писателем.

Земные и космические факторы в окружающей человека природе

На наш взгляд, внимание Вернадского к трудам религиозного писателя Достоевского определялось характером постижения и образно-художественным выражением им природы Земли, места в ней космических факторов в разные сезоны года, ее влиянием на физическое и духовное состояние человека, его отношение к окружающей природе и т. д. Уже в одном из первых своих произведений – «Бедные люди» (1846), – написанном в форме обмена письмами между Макаром Девушкиным и Варварой Доброселовой, фиксируется наблюдательность их авторов за явлениями природы, чувство своей зависимости от ее состояния, умение выражать всё это и особым, образным языком. Так, Макар в первом письме Варваре пишет, что «встал он сегодня таким ясным соколом – любо-весело! Что это какое утро сегодня хорошее, маточка! У нас растворили окошко; солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенними ароматами, и вся природа оживляется – ну, и остальное там всё было тоже соответственное; всё в порядке, по-весеннему» [4, с. 14]. Далее Макар сообщает, что он и «Вареньку сравнил с птичкой небесной, на утеху людям и для украшения природы созданной». По его убеждению, и все люди «должны завидовать беззаботному и невинному счастью небесных птиц».

Не была безразличной к природе и Варвара. В ее памяти остались впечатления от восприятия еще в детстве ранней осени. В письме к Макару она писала: «Я помню, в двух шагах от нашего дома, под горой, было озеро. Это озеро, – я как будто вижу его теперь, – это озеро было такое широкое, светлое, чистое, как хрусталь! Бывало, если вечер тих, – озеро покойно; на деревьях, что на берегу росли, не шелохнет, вода неподвижна, словно зеркало. Свежо! Холодно! Падает роса на траву...». Далее картина озера дополняется образами Космоса. Для Варвары в эти осенние вечера небо было «такое холодное, синее и по краям разведено всё красными, огненными полосами, и эти полосы всё бледнее и бледнее становятся; выходит месяц; воздух такой звонкий, порхнет ли испуганная пташка, камыш ли зазвенит от легонького ветерка, или рыба всплеснется в воде, – всё, бывало, слышно. По синей воде встает белый пар, тонкий, прозрачный...» [там же, с. 83]. От всего увиденного ей было «чудно хорошо».

В этом же письме Варвара сообщает своему приятелю и о своих впечатлениях от восприятия природы в «позднюю осень». Оказывается, что

в это время «всё становится мрачнее, небо хмурится облаками, желтые листья стелятся тропами по краям обнаженного леса, а лес синееет, чернеет, — особенно вечером, когда спустится сырой туман и деревья мелькают из тумана, как великаны, как безобразные, страшные привидения...» [там же, с. 83–84].

Определенные картины природы представлены и во многих других письмах Макара и Варвары друг другу. В одном из писем Макара подчеркивается, что выздоровление Варвары от простуды было обусловлено наступившей весной и ей за это следует «воздать благодарение небу» [там же, с. 25].

Среди многих произведений писателя особый интерес у Вернадского вызвал сентиментальный роман «Белые ночи» (1848). Что же привлекло его внимание к нему? Видимо, описание Достоевским сочетания космического и земного в природе Петербурга в ночное время, восприятия и переживания ее красоты главным героем романа. Уже первые строки романа начинаются с констатации красоты ночи: «Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди?» Ответ на поставленный вопрос герой романа советует поискать его «любезным читателям» [5, с. 102].

Под таким «ночным небом» происходили свидания героя романа с девушкой Настенькой. В одно из них он рекомендует Настеньке обратить свой взор на небо: «Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будет чудесный день; какое голубое небо, какая луна! Посмотрите: вот это желтое облако теперь застилает ее, смотрите, смотрите!.. Нет, оно прошло мимо. Смотрите же. Смотрите!...» [там же, с. 139]. Но Настенька не была расположена к восприятию картины ночного неба.

Особенно волнующим и впечатлительным было восприятие героем романа весны в своем городе: «Есть что-то неизъяснимо трогательное в нашей петербургской природе, когда она, с наступлением весны, вдруг выкажет всю мощь свою, все дарованные ей небом силы, опустится, разрядится, упестрится цветами...» [там же, с. 105]. Именно под воздействием «сил неба» происходят наступление весны и возрождение красоты земной природы. В романе подчеркивается, что благоухающая природа позитивно влияет и на людей. Герой видел, что у «чахлой и хворой» девушки под воздействием такой природы проявляются «жизнь и красота даже на ее лице». Космические силы оказываются причастными и к смене сезонов года на Земле, красоте ее природы и улучшению здоровья людей.

В романе «Идиот» (1868) писатель показывает и тех людей, которые в силу своих болезненных состояний не могут воспринимать природу и ее красоту. Всё это вызывает у них мучительные переживания. Так, основной герой данного романа князь Мышкин во время прогулки по павловскому парку Петербурга вспомнил одно из событий своей жизни: «Это было в Швейцарии, в первый год его лечения, даже в первые месяцы.

Тогда он еще был совсем как идиот, даже говорить не умел хорошо, понимать иногда не мог, чего от него требуют». Но вот однажды он «зашел в горы, в ясный, солнечный день, и долго ходил с одною мучительною, но никак не воплощавшеюся мыслию. Пред ним было блестящее небо, внизу озеро, кругом горизонт светлый и бесконечный, которому конца-края нет. Он долго смотрел и терзался. Ему вспомнилось теперь, как простирал он руки свои в эту светлую, бесконечную синеву и плакал. Мучило его то, что всему этому он совсем чужой» [6, с. 351].

Еще более выразительно свое отчуждение от природы выражал другой герой вышеназванного романа – Ипполит. В период обострения своей болезни (чахотка. – П. К.) он говорил окружавшим его людям: «Для чего мне ваша природа, ваш павловский парк, ваши восходы и закаты солнца, ваше голубое небо и ваши вседовольные лица, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего? Что мне во всей этой красоте, когда я каждую минуту, каждую секунду должен и принужден теперь знать, что вот даже эта крошечная мушка, которая жужжит теперь около меня в солнечном луче, и та даже во всём этом пире и хоре участница, место знает свое, любит его и счастлива, а я один выкидыш, и только по малодушию моему до сир пор не хотел понять это!» [там же, с. 343].

Но, когда Ипполит был здоров, он замечал красоту природы и роль Солнца в ее порождении. В одной из дискуссий со своими товарищами он говорил: «Как только солнце покажется и “зазвучит” на небе (кто это сказал в стихах: “на небе солнце зазвучало”? бессмысленно, но хорошо)! ...Солнце ведь источник жизни?» [там же, с. 309].

«Хорошо» сказал о роли Солнца в порождении красоты природы Земли белорусский поэт Якуб Колас (1882–1956) в стихотворении «Усход сонца» (1908). В нем он фиксирует красочность такого природного явления, как восход солнца, и вызванных им процессов в природе:

На усходзе неба грае
Пераліўным блескам,
Сыпле золата над гаем
І над пералескам [7, с. 82–83].

Процесс изменения природы продолжается и дальше. Как только появляются первые красные лучи Солнца, то сразу же «гаснуць, нікнуць зоркі», меняется состояние и выражение всего неба. Оно начинает «усміхацца людзям і прыродзе». Исчезают сонливость и мрак с лесов и лугов. В этот час «лес туманом заснаваўся», а луг «расой абмыўся». В природе устанавливаются спокойствие и красота. Всё это вызывает эмоциональные и эстетические чувства у поэта: «Эх, як слаўна, як прыгожа // Хораша, прыстойна!» от всего происходящего в природе.

О том, что Солнце является источником жизни на Земле, с 1868 г. стал выяснять русский ботаник-космист К. А. Тимирязев (1843–1920). Результаты своего исследования он «хорошо» выразил в работе «Космическая роль растений» (1903). Она стала теоретической основой космиче-

ских воззрений Н. А. Умова, В. И. Вернадского, Н. Г. Холодного и последующих представителей естественнонаучной ветви в русском космизме. В одном из своих трудов [3] Вернадский с полной уверенностью писал: «Из того, что мы наблюдаем на Земле, для нас ясно, что жизнь не могла бы развиваться только на Земле, без влияния Солнца, без влияния *света*» [там же, с. 311]. Далее им обращалось внимание на важность исследования влияния и других космических факторов на бытие всего живого на нашей планете. В образной форме сочетание земного и космического в природной среде обитания человека фиксировалось практически во всех литературных произведениях Достоевского.

Всё вышеотмеченное позволяет нам сделать вывод об ошибочности утверждения известного русского советского писателя К. Г. Паустовского (1892–1968) об отсутствии природы в произведениях Достоевского. В труде «Книга скитаний» (1963) он писал, что Достоевский «нарочито ставил людей в мучительные положения, придуманные в тиши сумрачного и темного кабинета. О событиях этих он писал с газетной обнаженностью. Природы в его романах почти совсем нет» [8, с. 531]. Видимо, и В. Н. Демин разделяет данное суждение процитированного писателя и не обратил внимание на многочисленные картины природы, отношение к ней человека, представленные в произведениях Достоевского.

Его литературные герои не только в «тиши кабинетов», но и в «тиши» монастырской кельи говорят о своем восприятии и восхищении природой, ее объектами. Последнее демонстрирует старец Зосимы (роман «Братья Карамазовы», 1879–1880). Незадолго до своего ухода из жизни он в речи перед священнослужителями и монахами монастыря говорил им о своей любви к природе. В его памяти сохранились картины природы, которые сложились у него еще в ранние годы жизни при общении с природой. Так, когда ему однажды пришлось заночевать на берегу судоходной реки, он не мог уснуть от представшей перед ним картины: «Ночь светлая, тихая, теплая, июльская, река широкая, пар от нее поднимается, свежит нас, слегка всплеснет рыбка, птички замолкли, всё тихо, благолепно, всё богу молится...» [9, с. 267].

Умилялся природой и находившийся рядом с ним другой юноша. Он поведал будущему старцу, что «лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучше того как в лесу ничего он, говорил, не знает, да и всё хорошо» [там же]. «Хорошо» говорил о природе, ее красоте и рано умерший брат старца Маркел, да и он сам.

Не только герои произведений Достоевского выражали свое видение природы и отношение к ней, но и сам писатель демонстрировал всё это. Так, в автобиографическом труде «Записки из мертвого дома» (1860–1862) имеют место примеры восприятия природы в период его пребывания на каторге в Сибири. Условия каторжной жизни определяли и особенности восприятия им природы в разные сезоны года: «Зимой, особенно в сумрачный день, смотреть на реку и на противоположный далекий берег было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце было

в этом диком и пустынном пейзаже. Но чуть ли еще не тяжелей было, когда на бесконечной белой пелене снега ярко сияло солнце; так бы и улетел куда-нибудь в эту степь, которая начиналась на другом берегу и расстилалась к югу одной непрерывной скатертью тысячи на полторы верст» [10, с. 80].

Каторжная жизнь влияла и на характер переживания природы арестованными весной: «Наступающие красные дни волнуют и закованного человека, рождают и в нем какие-то желания, стремления, тоску. Кажется, еще сильнее грустишь о свободе под ярким солнечным лучом, чем в ненастный зимний или осенний день, и это заметно на всех арестантах...» [там же, с. 173]. Такого рода помыслы зарождались и у арестанта Достоевского при наступлении весны. Он писал, что «помнит, как с жадностью смотрел иногда сквозь щели палы и подолгу стоял, бывало, прислонившись головой к нашему забору, упорно и ненасытимо всматриваясь, как зеленеет трава на нашем крепостном вале, как все гуще и гуще синееет далекое небо. Беспокойство и тоска его росла с каждым днем, и острог становился ему все более и более ненавистным» [там же, с. 174].

В отмеченных и многих других примерах описания Достоевским природы Земли и отношения к ней человека весьма четко проводится мысль, что ее состояние определяется и влиянием космических факторов: Солнца, Луны, звезд и т. д. Его литературные герои, особенно старец Зосимы, в своих суждениях о природе фиксировали и тот факт, что истинное знание о ней может достигаться только при учете влияния и важнейших объектов и явлений Космоса на нашу планету. Данная мысль проводилась в речах Зосимы, да и других литературных персонажей Достоевского.

«Тайна земная соприкасается со звездною»

Конкретно свою позицию старец Зосимы выразил в следующих суждениях: «На земле же воистину мы как бы блуждаем... Многое на земле от нас скрыто, но взамен того даровано нам тайное сокровенное ощущение живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим, да и корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных. Вот почему и говорят философы, что сущности вещей нельзя постичь на земле. Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и взрастил сад свой, и взошло всё, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным миром иным...» [9, с. 290]. Далее он говорил, что если это «чувство» связи с «иным и таинственным миром» ослабеваает или прекращается, особенно у человека, то умирает и всё «вращенное в нем». Что же было у старца «иным и таинственным миром?».

Ответ на поставленный вопрос дает Достоевский через описание чувств Алеши Карамазова, который слушал и даже законспектировал речь старца Зосимы. После отпевания своего усопшего духовника Алеша выходит из монастыря и перед его взором предстала следующая картина: «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол, полный тихих сияющих звезд. С зенита до горизонта двоился еще неясный

Млечный Путь. Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною...» [там же, с. 328].

Ощущение «соприкосновения» земного и небесного так подействовало на Алешу, что он не устоял на ногах и «повергся на землю». Затем он начал производить ранее неизвестные ему действия. У него появляются и качественно новые чувства и эмоции: «Он не знал, для чего обнимал ее (землю. – П. К.), он не давал себе отчета, почему ему так неудержимо хотелось целовать ее, целовать ее всю, но он целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков... Он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны... Но с каждым мгновением он чувствовал явно и как бы осязательно, как что-то твердое и незыблемое, как этот свод небесный, сходило в душу его. Какая-то как бы идея воцарялась в уме его ... и уже на всю жизнь и навеки веков. Пал он на землю слабым юношей, а встал твердым на всю жизнь бойцом, сознал и почувствовал это вдруг, в ту же минуту своего восторга» [там же].

Алеша Карамазов от общения с Землей и объектами Космоса, особого переживания своей связи с ними стал последовательным «бойцом» только в борьбе за дело Господне. Его религиозное сознание было подкреплено от осознания «соприкосновения земного и космического».

Другие литературные персонажи Достоевского с таким «соприкосновением» связывали и становление «новой жизни» человека и человечества. Так, князь Мышкин в доме генерала Епанчина рассказывал его дочерям Аглае и Аделаиде о его видении и переживании следующих явлений: «Когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы, кругом сосны старые, большие, смолистые; вверху на скале старый замок средневековый, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная. Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильнее и шумней чем у нас; такой большой город мне все мечтался, как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь...» [6, с. 50–51].

За линией «встречи неба и земли» Ивану Карамазову виделась создающая «вся вселенная или, еще обширнее – всё бытие» [9, с. 214]. Здесь следует отметить, что термина «космос» нами в произведениях Достоевского не обнаружено. Его литературные герои используют слово «вселенная». Для них это слово обозначает то помещение, вместилище, куда «вселяется» всё земное, да и человечество, в небесное. С момента начала такого «вселения» на земле прекращается всё хаотическое и беспорядочное и происходит утверждение «небесной гармонии и порядка». Именно «в момент вечной гармонии, – говорил Иван, – случится и явится нечто

до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать всё, что случилось с людьми...» [там же, с. 215].

Всё отмеченное Иван излагал своему брату Алеше. При этом он выражал и свою уверенность в неизбежности осуществления всего им сказанного: «Он верует в порядок, в смысл жизни, верует в вечную гармонию, в которой мы будто бы все сольемся, верует в Слово, к которому стремится вселенная и которое само “бе к богу”, и которое есть само бог, ну и прочее и прочее...» [там же, с. 214].

Но как будет происходить процесс единения человечества, самого по себе и его с небом, и кто будет управлять его «бе к богу»? Данные вопросы были предметом обсуждения многими литературными героями Достоевского, да и им самим. Ответы на них могут быть даны при выяснении смысла понятия «всемирность жизни», которое было одним из значимых в трудах писателя.

Ф. М. Достоевский и В. И. Вернадский: общее и особенное в трактовке понятия «всемирность жизни»

В самой общей форме постановка и решение содержания понятия «всемирность жизни» получило свое выражение в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор». В ней подчеркивается, что «всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно». Даже «великие завоеватели, Тимуры и Чингис-ханы..., стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению» [там же, с. 235]. По его убеждению, когда такое «единение» людей осуществится, вот тогда и наступит для них «царство покоя и счастья». Они перестанут «бунтовать и истреблять друг друга». Более того, «они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся» [там же]. Но кто, кто такие «мы», которые будут осуществлять единение людей и управлять ими, в поэме Ивана не сказано.

Конкретный ответ на поставленный вопрос дает князь Мышкин. В гостиной дачи Епанчиных он говорил друзьям и знакомым хозяевам дачи: «Откройте русскому человеку русский Свет... Покажите ему в будущем обновление всего человечества и воскресение его, может быть, одною только русскою мыслью, русским богом и Христом, и увидите, какой исполин могучий и правдивый, мудрый и кроткий вырастет пред изумленным миром, изумленным и испуганным, потому что они ждут от нас одного лишь меча, меча и насилия, потому что они представить себе нас не могут, судя по себе, без варварства. И это до сих пор, и это чем дольше, тем больше!» [6, с. 453].

Все присутствующие в гостиной дачи были удивлены «выходкой» князя. Они «не могли понять» и мотивов его поступка. У него же самого от всего сказанного им «вместо ужаса – свет и радость, восторг» [там же, с. 454]. Он долго не мог понять и той «суматохи», которая стала «кипеть

вокруг него». Его слушатели не могли принять такого рода заявлений. Да и нынешние русские люди будут в «ужасе», когда кто-то из них скажет нечто подобное.

Качественно иную точку зрения по обсуждаемому здесь вопросу высказал Шатов (роман «Бесъ», 1871–1872). В дискуссии со Ставригиным он говорил, что «истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве или даже с первостепенной, а непременно и исключительно с первой». Только такой «великий» народ может иметь и «бога истинного». По его убеждению, «единый народ-богоносец – это русский народ» [11, с. 200]. Именно он и призван «воскресить и спасти» другие народы и обеспечить их единение в целостное человечество.

Обстоятельно необходимость единения людей и роль русского народа в его осуществлении обосновывал старец Зосимы. В речи перед насельниками монастыря им выражалось беспокойство в связи с тем, что в «мире всё более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей...» [9, с. 285]. По его заключению, происходящий процесс «уединения» людей приводит к тому, что «вещей накапливается больше, а радости становится всё меньше». При этом подчеркивалось и то, что «уединение» в наибольшей мере происходит «не у нас, а у них». Первой была для него «становящаяся единая православная Русь». Единство ее народа он связывал с тем, что «сей народ – богоносец» [там же].

Вышесказанным старец не ограничился. Им подчеркивалось и то, что решающую роль в осуществлении «единения» русского народа и его «спасения» от начавшегося «растления» (жестокость, пьянства, возрастания числа всякого рода «миродов» и т. д.) будет выполнять Бог. Именно «Бог спасет Россию», – говорил он. Но старец не приуменьшал и значимости деятельности самих людей в решении поставленных задач: «Но спасет бог людей своих, ибо велика Россия смирением своим. Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее: ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и с лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим: на то идет» [там же, с. 286]. Что можно сказать по поводу суждения старца? Только то, что и нынешний русский «богач» не «устыживается» от размеров своего «богатства» и не спешит поделиться какой-то его частью со своими бедными согражданами.

В речи старца Зосимы подведены итоги размышлений литературных героев Достоевского по вопросу всемирности жизни. А какое решение данного вопроса предлагалось самим писателем?

Собственное мнение относительно обсуждаемого нами вопроса Достоевский выражает в труде «Дневник писателя. 1877 сентябрь – декабрь. 1880 декабрь». В нем подчеркивалось, что все рассуждения о единении народов мира, их гражданском устройстве должны опираться на нравственные основания, исходить из них. Ведь «при начале всякого народа, всякой национальности идея нравственности всегда предшествовала

зарождению национальности, *ибо она же и создавала ее*. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связано с другими мирами и с вечностью» [12, с. 165]. Эти убеждения, по его мнению, формулировались в религии, особенно в русском православии. Они становятся и достоянием русского народа. Именно он является «носителем Христа, на него одного и надеяться» [там же, с. 170].

Отмеченная особенность русских предопределяет их место и роль в мировом процессе. По Достоевскому, «наш удел и есть всемирность и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей...» [там же, с. 147]. Данное предназначение народов России, по убеждению писателя, в наибольшей мере выражал А. С. Пушкин. В своем художественном творчестве он «неоспоримо проявил эту всемирность стремления русского духа». Далее Достоевский писал, что если бы Пушкин «жил дольше, может быть, явил бы бессмертные и великие образы души русской, уже понятные нашим европейским братьям...» [там же, с. 148].

Все вышеотмеченные положения, высказанные литературными героями Достоевского, да и им самим, были известны и В. И. Вернадскому. В дневниковой записи от 1.IV.1918 г. он писал: «Читал Достоевского. Всё его мировоззрение связано с верой в *православный русский народ*» [2, с. 67]. Но, как убежденный материалист, он не мог их разделять. Он воспринял только идею космизма, которая содержалась в трудах именитого писателя-космиста. Эта идея, как и религиозно-философские воззрения Н. Н. Федорова и В. С. Соловьева, естественнонаучный космизм биолога К. А. Тимирязева и физика Н. А. Умова, «космическая поэзия» В. Я. Брюсова и А. А. Блока были теоретическими предпосылками подлинно научной концепции космизма Вернадского. В уже упоминавшемся труде «Живое вещество» он писал, что живое вещество Земли «не может быть только земным явлением» [3, с. 37]. Да и биосфера «не есть принадлежность только одной нашей планете» [там же]. По его убеждению, она имеет и космическую выраженность.

Рассуждения автора рассматриваемого труда о космичности жизни завершаются принципиально важным выводом: «Научные представления о жизни как космическом явлении начинают всё больше находить себе подтверждение в новых научных фактах, благоприятствующих признанию всемирности жизни» [там же, с. 310]. Такого рода факты им приводятся в процитированном труде. Обстоятельно они были обобщены его автором в книге «Биосфера» (1926). В ней языком науки, поэзии и музыки раскрывается место Земли в космическом пространстве, роль космических факторов в зарождении и существовании живого вещества в биосфере. Оно, по заключению Вернадского, является «созданием внешних сил Космоса» [13, с. 10]. В последующих работах этого ученого-космиста, особенно в «Книге жизни» – «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» (1965) приводятся и те конкретные космические факторы (световая энергия Солнца, космическая пыль, энергия рассеянных эле-

ментов и т. д.), от которых зависит бытие всего живого на нашей планете, в том же числе и человечества.

Для Вернадского биосфера есть космоземная оболочка Земли, а потому и все ее компоненты, в том числе живое вещество и человек, имеют не только земную, но и космическую выраженность. Он резко критиковал представителей гуманитарных наук, да и биологии, которые «сознательно не считаются» с выводами о зависимости человека и всего человечества от биосферы. «Человечество, как живое вещество, – писал Вернадский, – неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки Земли – с ее биосферой. Оно не может физически быть от нее независимым ни на одну минуту» [14, с. 339]. Оно, по убеждению космиста, совместно с биосферой будет эволюционировать в качественно новое состояние – ноосферу.

Так, восприняв идею Достоевского о всемирности жизни, Вернадский обосновал научное положение о космической выраженности особой оболочки Земли – биосферы и ее эволюции в ноосферу. Его учение о переходе биосферы в ноосферу – вершина естественнонаучного и философского творчества космиста. Более подробно его космизм освещается в других работах автора настоящей работы.

В наибольшей мере Вернадский разделял выводы Достоевского о характере практического отношения человека к природе, необходимости ее сохранения для будущих поколений людей. В чем конкретно выражались воззрения писателя по данной проблеме?

Человек обязан жить и действовать «по законам природы»

Следует отметить, что вопросы отношения человека к природе являются важнейшими вопросами, поднимавшимися и обсуждавшимися всеми представителями русского космизма. Они были в центре внимания и Достоевского. Так, его вымышленный герой труда «Записки из подполья» (1864) говорил, что «на свете есть законы природы» и человек должен жить и всё делать «по законам природы» [15, с. 112]. Вот тогда и «жить ему будет чрезвычайно легко». Герои рассказа «Подросток» (1875) при обсуждении вопроса о будущем России пришли к выводу, что жить надо «по закону природы и правды» [16, с. 46]. Жить же «вне этой мысли» ими видится невозможным.

Однако реальность бытия свидетельствовала, что русский человек не стремился жить «по законам природы», да он их и не знал. Он хищнически относился к природе и ее ресурсам. О последствиях такого отношения говорили многие литературные персонажи произведений Достоевского. Например, Крафт (роман «Подросток») говорил своим собеседникам: «Нынче безлесья Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и приготавливают ее для калмыков. Явись человек с надеждой и посади дерево – все засмеются: “Разве ты до него доживешь?” С другой стороны, желающие добра толкуют о том, что будет через тысячу лет. Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...» [15, с. 54].

О последствиях такого образа жизни русского человека говорил и Иван Карамазов брату Алешке: «Русская земля крепка березой. Истребят леса – пропадет земля русская» [9, с. 122]. В наши дни многие территории «земли русской» превращены уже не в степь, а в пустыню. Не прекращается и «истребление лесов». Обо всём этом с горечью почти через сто лет писал и классик русской советской литературы Л. М. Леонов (1899–1994) в романе «Русский лес» (1953) и многих публицистических статьях. С состоянием лесов он связывал судьбу России, ее природы и населения. Подробно его мысли по обсуждаемой здесь проблеме раскрылись в специальной нашей работе [17].

Герои Достоевского не скрывали своего негативного отношения и к происходившему в России техническому прогрессу. Ими отмечалось его пагубное воздействие на состояние природной среды и здоровье человека. Так, Петр Степанович (роман «Бесы») говорил своему собеседнику Николаю Всеволодовичу об «интересной фабрике Шпигулиных». Оказывается, здесь трудится пятьсот рабочих, а сама фабрика является «рассадником холеры», так как здесь «не чистят пятнадцать лет и фабричных усчитывают; купцы-миллионеры» [11, с. 180].

Можно приводить и дальше примеры описания негативных воздействий человека на природу в трудах Достоевского. Но мы ограничимся отмеченными. В них значимое место занимали и вопросы нравственного отношения человека к живым ресурсам природы, особенно животным. Шокирующим примером жестокого отношения к последним может быть описание убийства лошади ее хозяином (роман «Преступление и наказание», 1866), которое виделось Родиону Раскольникову, правда, во сне. Воспроизводить это убийство в нашей работе не представляется возможным. Более приятным для нас являются суждения старца Зосимы, которые он изложил своим слушателям: «Любите все создания божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну божью постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать всё далее и более, на всяк день...» [9, с. 289]. Осуществляя всё это, человек «полюбит наконец весь мир уже всецелою, всемирною любовью». Как видим, у старца Зосимы нравственное отношение к отдельным объектам природы поднимается и распространяется на весь Космос. Его мораль имеет, во истину, космическую выраженность.

Поборником нравственного отношения человека к животному миру был и сам Достоевский. Он являлся членом Российского Общества покровительства животным. В нашей специальной работе раскрывалось содержание его моральных норм, касающихся отношения человека к животным, их влияние на мировоззрение последующих русских и советских писателей освещающих данную проблему (А. П. Чехов, Д. Л. Андреев и т. д.) [18, с. 117–122]. Эти нормы не потеряли своего значения и в наши дни. Они получают свое дальнейшее обоснование и развитие в особой области знания и учебной дисциплины – *экологическая этика*.

Ее содержание раскрывается в труде [18] и других работах автора настоящей статьи.

Осуществленный в представленной работе анализ произведений именитого русского писателя Ф. М. Достоевского позволяет сделать вывод о его причастности к русскому космизму. Его космизм очевиден в тех картинах природы, которые приводятся практически во всех его литературных трудах. В них земное и космическое нераздельно слито в одно целостное образование. Для человека последние предстают неповторимыми и красочными явлениями. С ними неразрывно связан человек и всё человечество. Именно понимание и литературное выражение «соприкосновения» земного и космического в окружающей человека природе, его включенность в земное и космическое бытие есть конкретное содержание космизма писателя. Сторонами его космизма следует считать и формирование у человека эстетического и этического отношения к природе, жить и действовать «по законам природы» и т. д. Все эти положения Достоевский формулировал языком художественной литературы и религии, так как он был истинным православным русским человеком. Его по праву следует считать и одним из первых представителей литературно-художественной и религиозно-философской ветвей русского космизма. Хотя им и не была обоснована целостная концепция космизма, но его идеи были одной из предпосылок становления и развития научной концепции космизма, обоснованной естествоиспытателем В. И. Вернадским. Федор Михайлович Достоевский – достойный представитель того течения русской мысли, которая в наши дни получила название *русский космизм*.

Литература

1. *Демин В. Н.* Русский космизм вчера, сегодня, завтра / В. Н. Демин. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – Ч. 1: Русский космос. – 200 с.
2. *Вернадский В. И.* Дневники : 1917–1921 / В. И. Вернадский. – Киев : Наукова думка, 1994. – 271 с.
3. *Вернадский В. И.* Живое вещество / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1978. – 358 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972. – Т. 1. – 519 с.
5. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972. – Т. 2. – 527 с.
6. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1973. – Т. 8. – 511 с.
7. *Колас Якуб.* Збор твораў : у 14 т. / Якуб Колас. – Мінск : Мастац. літ., 1972. – Т. 1. – 562 с.
8. *Паустовский К. Г.* Собр. соч. : в 8 т. / К. Г. Паустовский. – М. : Худ. лит., 1986. – Т. 5. – 576 с.
9. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1976. – Т. 14. – 511 с.
10. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972. – Т. 4. – 326 с.

11. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1974. – Т. 10. – 517 с.
12. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1984. – Т. 26. – 518 с.
13. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1989. – 261 с.
14. *Вернадский В. И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – 376 с.
15. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1973. – Т. 5. – 407 с.
16. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1975. – Т. 13. – 456 с.
17. *Карако П. С.* «Философия леса» в творчестве Л. М. Леонова / П. С. Карако // Нёман. – 2006. – № 7. – С. 129–144.
18. *Карако П. С.* Природа и нравственность / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2013. – 244 с.

Белорусский государственный университет

Карако П. С., доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки

E-mail: kaliadka@bsu.by

Belarusian State University

Karako P. S., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and methodology of science

E-mail: kaliadka@bsu.by